
ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

JOURNALISM HISTORY

УДК 070(470)(09)

DOI [10.17150/2308-6203.2017.6\(1\).59-67](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2017.6(1).59-67)

Манохин Игорь Викторович

кандидат исторических наук, и.о. ректора,
Московский государственный лингвистический университет,
119034, Российская Федерация, г. Москва, Остоженка 38,
стр. 1, e-mail: manokhin@linguanet.ru

Igor V. Manokhin

Dr. Acting Rector, Moscow State Linguistic University,
38 Ostozhenka St., 119034, Moscow, Russian Federation,
e-mail: manokhin@linguanet.ru

Сацюк Ирина Георгиевна

кандидат филологических наук, доцент,
Байкальский государственный университет,
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11,
e-mail: Lana53@bk.ru

Irina G. Satsyuk

PhD in Philology, Associate Professor, Baikal State University,
11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: Lana53@bk.ru

ПОЗДНЯЯ ПУБЛИЦИСТИКА М. ГОРЬКОГО

Аннотация. В статье рассматривается публицистика Максима Горького 1920–30-х гг. Если ранняя публицистическая деятельность писателя первого этапа творчества (времени работы в «Самарской газете», в репортажах с Нижегородской художественно-промышленной выставки), а также периода Октябрьской революции («Несвоевременные мысли») достаточно широко исследована, то его поздняя публицистика до сих пор еще недостаточно осмыслена и изучена. 1920–30-е гг. — сложный и противоречивый период в творчестве Максима Горького — писателя и публициста. В статье обращается внимание на две важнейшие проблемы поздней публицистики Максима Горького. Одна из них — отношение к крестьянству и к «крестьянскому вопросу» в новых социальных условиях. При этом прослеживается изменение представлений Максима Горького о русском крестьянстве в период раскулачивания и коллективизации. От резких характеристик «мужика» (в статье 1922 г. «О русском крестьянстве») — к заметкам и письмам 1930-х гг., в которых выражена вера писателя в положительные нравственно-этические и общественные изменения крестьянской массы. Другая проблема, которая всегда остро волновала Максима Горького, — это проблема культуры. В поздней публицистике писатель размышляет о формировании новой социалистической культуры и её характере. В связи с этим среди важнейших своих задач писатель считал работу с молодыми литераторами. Максим Горький не только редактировал произведения начинающих авторов, но и вел серьезную переписку с ними, высказывая конкретные замечания и давая практические советы. При этом Максим

Горький не только говорит о необходимости актуальной проблематики прозы и стихов, но и требует от молодых писателей тщательной «работы над словом» и стилем своих произведений, говоря, что это требует определенного уровня культуры авторов. Для осмысления позиции писателя по данным проблемам в качестве объективных свидетельств привлечены его письма тех лет, воспоминания современников. Изучение данного вопроса поможет более глубоко и объективно понять особенности поздней публицистики писателя и характер эволюции его мировоззрения и творчества.

Ключевые слова. Публицистика, крестьянство, культура, литература, социалистическое строительство, эволюция взглядов.

Информация о статье. Дата поступления 10 января 2017 г.; дата принятия к печати 23 января 2017 г.; дата онлайн-размещения 31 января 2017 г.

LATE JOURNALISM OF M. GORKY

Abstract. The article considers M. Gorky's journalism in the 1920s and 1930s. M. Gorky's early journalism i.e. his work for *Samarskaya Gazeta* and his reports about Nizhny Novgorod arts and industry exhibition as well as his work during the October Revolution (*Untimely Thoughts*) are studied well enough, whereas his late journalism still has not been given enough thought to and considered properly. The 1920 and 1930s are a complicated and contradictory period for M. Gorky, both as a writer and a journalist. The article focuses on two main issues of M. Gorky's journalism. One of them is his attitude to the peasantry and problems of peasants in the framework of a new social environment. At the same time one can observe how M. Gorky's ideas of Russian peasants are changing during the period of defarming and collectivization. In the article *On Russian Peasantry* published in 1922 he characterizes the Russian peasant in a rather unfavourable way whereas in his notes to the letters written in 1930s M. Gorky expresses his belief in positive moral and ethical and social changes among the peasantry. The other problem, Gorky was always concerned about, is the problem of culture. In his late journalism he speculates about a new social culture developing as well as its nature. That is why one of Gorky's priorities was working with beginning writers. Maxim Gorky not only edited beginning writers' pieces of work but was also in correspondence with them, criticizing their work and giving them practical advice. M. Gorky emphasized that it was vital for the problems expressed in prose and poetry to be of current concern. He also demanded proper language and style from beginning writers, adding that this requires a certain cultural context the writers need to be in. To understand M. Gorky's viewpoint on these issues his 1920s–1930s letters and his contemporaries' memoirs are analyzed. Studying this problem will contribute to understanding the special aspects of M. Gorky's late journalism and the peculiarities of evolution of his views and literary work.

Keywords. Journalism, peasantry, culture, literature, building socialism, evolution of views.

Article info. Received January 10, 2017; accepted January 23, 2017; available online January 31, 2017.

Поздняя публицистика Максима Горького до сих пор в полной мере не исследована. Это определяется прежде всего тем, что М. Горький во второй половине творчества пережи-

вал внутренний трагический разлад между «писателем-художником» и «публицистом». С одной стороны, он пишет (но так и не заканчивает) роман-эпопею «Жизнь Клима Сам-

гина» о судьбе интеллигента, «революционера поневоле», который не может найти свое место в современной жизни и чувствует себя «жертвой истории». С другой стороны, Горький-публицист размышляет над совсем иными, многообразными и актуальными проблемами, ощущая себя человеком, призванным осмыслить и дать оценку событиям, свидетелем которых он был.

Традиционно в публицистике М. Горького выделяют три периода, обусловленные не только изменением исторического контекста, но и эволюцией миропонимания писателя. Это ранняя публицистика периода работы в «Самарской газете», «Нижегородском листке» (в частности, его материалы о Нижегородской промышленно-художественной выставке 1896 г.), публицистика периода революции (цикл «Несвоевременные мысли»), а также публицистика 1920–30-х гг. И если первые два периода творчества Горького-публициста описаны и достаточно широко изучены, то последний еще нуждается в более обстоятельном рассмотрении, что поможет лучше понять характер эволюции журналистско-публицистической деятельности писателя.

1920–30-е гг. являются самыми противоречивыми в художественном и публицистическом творчестве Максима Горького. Вопросы возникают по поводу его политической позиции в эти годы, его отношений со Сталиным, его суждений о после-революционном положении народа. Даже вокруг смерти писателя существует немало мифов, затрудняющие объективно оценить позицию Горького — писателя, публициста и гражданина — вернувшегося из-за рубежа в совершенно новую страну, которая к тому моменту должна была превратиться в мечту Горького

об идеальном социалистическом государстве.

Тематика поздней горьковской публицистики разнообразна. Мы остановимся на двух проблемах, особо волнующих писателя в эти годы: это его размышления о крестьянстве и о судьбах культуры.

Известно, что М. Горький достаточно критично относился к крестьянству: он видел в деревне «тьму и хаос», «тупость крестьян-мужиков», «раблепство и пассивность». Эти качества крестьянства, так резко обозначенные писателем, не увязывались с его представлениями о построении социалистического государства — государства активных, интеллектуально и творчески развитых людей.

В 1922 г. в Берлине выходит памфлет М. Горького «О русском крестьянстве», в котором он резко характеризует «варварство и отсталость крестьянской массы», склонной к «изошренной жестокости, равнодушной к чужому страданию» и ханжескую показную религиозность, замечая при этом, что искоренить эти качества возможно только крайними мерами.

Максим Горький пишет, что «деревенский житель» пассивен и не заинтересован в изменении своего положения: «У него почти отсутствует — во всяком случае, очень слабо развито — боевое желание укрепиться на избранной точке и влиять на окружающую среду в своих интересах, если же он решается на это — его ждет тяжелая и бесплодная борьба. Тех, кто пытается внести в жизнь деревни нечто от себя, новое — деревня встречает недоверием, враждой и быстро выжимает или выбрасывает из своей среды» [1]. Однако, как считает М. Горький, в социалистическом государстве личная заинтересованность каждого должна быть подчинена коллективным

интересам. Само по себе название «рабоче-крестьянское» государство говорит о том, что город и деревня должны объединиться. При этом писатель вспоминает следующее: «В 1919 году милейший деревенский житель покойно разул, раздел и вообще обобрал горожанина, выменивая у него на хлеб и картофель все что нужно и не нужно деревне. Не хочется говорить о грубо насмешливом, мстительном издевательстве, которым деревня встречала голодных людей города. Всегда выигрывая на обмене, крестьяне — в большинстве — старались и умели придать обмену унижительный характер милостыни, которую они — нехотя — дают барину, «прожившемуся на революцию» ... деревня хорошо поняла зависимость города от нее, до этого момента она чувствовала только свою зависимость от города» [1].

При этом М. Горький стремится развенчать миф о «благородстве, мягкости и порядочности» русского мужика, существующий в представлении русских писателей прошлого века (Тургенева, Некрасова, Григоровича и др.) «Но где же — наконец — тот добродушный, вдумчивый русский крестьянин, неутомимый искатель правды и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература XIX в.?

В юности моей я усиленно искал такого человека по деревням России и — не нашел его. Я встретил там сурового реалиста и хитреца, который, когда это выгодно ему, прекрасно умеет показать себя простаком. По природе своей он не глуп и сам хорошо знает это. Он создал множество печальных песен, грубых и жестоких сказок, создал тысячи пословиц, в которых воплощен опыт его тяжелой жизни. Он знает, что «мужик не глуп, да — мир дурак» и что «мир

силен, как вода, да глуп, как свинья». Он говорит: «Не бойся чертей, бойся людей». «Бей своих — чужие бояться будут»» [1].

М. Горький также говорит о жестокости, сохранившейся в современной деревне, несмотря на кардинальные перемены в жизни, о черствости мужика, о раболепстве женщины. «Думаю, что нигде не бьют женщин так безжалостно и страшно, как в русской деревне, и, вероятно, ни в одной стране нет таких вот пословиц-советов: «Бей жену обухом, припади да понюхай — дышит? — морочит, еще хочет». «Жена дважды мила бывает: когда в дом ведут, да когда в могилу несут». «На бабу да на скотину суда нет». «Чем больше бабу бьешь, тем щи вкуснее». Сотни таких афоризмов, — в них заключена веками нажитая мудрость народа, — обращаются в деревне, эти советы слышат, на них воспитываются дети» [1]. При этом М. Горький делает следующий вывод: «Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа» [там же].

Однако, как бы предвосхищая будущее, публицист с надеждой говорит следующее: «Как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень — все те почти страшные люди, о которых говорилось выше, и их заменит новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей» [1].

В середине 1920-х гг., вероятно, под влиянием многочисленных писем об изменениях в деревне Горький постепенно смягчает свое отношение к ней. Так, 30 декабря 1925 г. в письме Д.А. Лутохину он пишет: «Иван Вольный пишет мне: «Особенно радостно глядеть на деревню, которую болезненно люблю со всей ее дикостью и

хамством. Старое — кончилось, старое злобно умирает. Туда ему и дорога». Вот эти заявления о конце старого идут от самых разнообразных наблюдателей жизни: от Вяч. Шишкова, М. М. Пришвина, Акульшина, Клычкова и т.д. Не очень верю, — но невольно радуюсь» [2].

В 1930-е гг. Максим Горький диаметрально меняет свою позицию по отношению к деревне. В статье «13 лет» он пишет: «Главнейшее и самое значительное, что произошло за истекший год, — геологическая встряска, которую пережила деревня. Можно думать, что хребет кулака, «мироеда» — неизлечимо надломлен» [3]. «Геологической встряской» писатель называет коллективизацию, изменившую жизнь русского крестьянина. Это были по сути те самые «кардинальные меры», о которых писал М. Горький в 1920-е гг.

А в письме Р. Роллану в 1931 г. писатель замечает, что «крестьянство отлично понимает, что действительное освобождение от каторжного труда на истощенных клочках земли дает им коллективное хозяйство, вооруженное машинами» [4, с. 217]. А это означало, что злейший враг, с которым М. Горький теперь призывает бороться — противник коллективизации, крестьянин, не желающий избавляться от индивидуального труда. «Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, — против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует вывод: если враг не сдается, — его истребляют» [3].

Р. Роллан в одном из писем поинтересовался у Горького, действи-

тельно ли в стране Советов возникли затруднения с продовольствием, на что Горький отвечает: «Героическая, изумительная по богатству результатов деятельность рабочих не понимается старым, кулацкого духа крестьянством. Кулаки все еще вожди деревни, и они учат ее: требуй с города все, чего хочешь, и не давай ему хлеба!» [4, с. 283]. Поэтому главной задачей теперь писатель считает борьбу с кулачеством.

В происходящих в стране переменах М. Горький видит путь избавления мужика от невежества, мещанства, жестокости и необразованности. В статье «Ответ интеллигенту», написанной в 1931 г., он пишет следующее: «В Союзе Советов крестьянин, переходя на коллективный труд, постепенно утрачивает ту специфическую психику раба земли, вечного пленника нищенской собственности» [5, с. 32]. Писатель отмечает, что современная деревня постепенно обогащается клубами, школами, библиотеками. В этом М. Горький видит яркий пример победы новой идеологии и государственной политики новой власти.

В 1930 г. М. Горький пишет И. В. Сталину: «После того, как партия столь решительно ставит деревню на рельсы коллективизма — социальная революция принимает подлинно социалистический характер. Это — переворот почти геологический и это больше, неизмеримо больше всего, что было сделано партией. Уничтожается строй жизни, существовавший тысячелетия, строй, который создал человека крайне уродливо своеобразного и способного ужаснуть своим животным консерватизмом, своим инстинктом собственника» [6].

Таким образом, мы видим, как постепенно менялось восприятие крестьянства М. Горьким. Если

вплоть до середины 1920-х гг. он видел деревню одной из главных причин, тормозящих революцию и построение нового государства, то в 1930-е гг. он утверждает, что крестьянство, благодаря проводимой в стране коллективизации, встало на верный путь развития. Однако очевидно, что намеренно или нет, публицист видел только внешние результаты перемен, совсем не говоря о том, какой ценой происходила «ломка хребта» старого уклада, и какой болью она отражалась на отдельных человеческих судьбах.

Еще одной проблемой, которая волновала М. Горького на протяжении всей его жизни, была проблема современного состояния культуры, в том числе литературы. Культура в понимании Горького была основой построения успешного рабоче-крестьянского государства. Ни экономическому росту, ни международному авторитету не уделял писатель столь пристального внимания, как искусству, литературе и науке. Так, в статье «Цели нашего журнала», вышедшей в 1930 г. в газете «Известия», Горький следующим образом определяет значение слова «культура»: «Главное содержание культуры, суть её и смысл — наука, техника, искусство. А в искусстве — наиболее доступная пониманию масс и поэтому наиболее мощная, как средство культурного воспитания, — художественная литература» [7, с. 128]. Но так как «человеку массы» (в большинстве своем еще малограмотному) все же наиболее близка литература, значит и самая большая ответственность и самая сложная задача стоит перед литераторами. И то, что в своем большинстве рабоче-крестьянская масса «еще не преуспела в культурном росте», М. Горький признает: «Здесь приходится сказать, что в области культуры рабочий еще не хозя-

ин, в этой области он все еще не так близок к делу, как в производстве материальных ценностей. А значит, первейшая задача — сконцентрировать внимание на культурном развитии творцов будущего» [7, с. 129]. Поэтому Максим Горький уделял огромное внимание новому поколению литераторов.

Из переписки М. Горького разных лет с молодыми писателями мы видим, как он стремился научить точно владеть словом, делился личным опытом. И в письмах 1920–30-х гг. читаем, как Горький внимательно относился к рукописям, которые присылали ему младшие коллеги. Он отвечал им лично, критиковал или хвалил молодые таланты. В числе его корреспондентов было множество имен: Б. Полевой, С. Ахрем, А. Перегудов, Н. Чертова, А. Руммер и многие другие. Но главный совет, который давал М. Горький молодым писателям, — учиться, оттачивать выразительность письма, изучать родной язык и умело им пользоваться, а также поднимать насущные проблемы своего времени. Именно так может быть создана новая советская пролетарская литература. «Революция вызвала к жизни тысячи молодёжи, которая мучается желанием писать и пишет: стихи, рассказы, романы; пишет, в огромном большинстве случаев, технически безграмотно и неудачно даже тогда, когда в стихах и рассказах молодого писателя чувствуется и знание действительности, и умение наблюдать, и своеобразное отношение к людям, к явлениям жизни» [7, с. 123].

Особо волновала М. Горького работа молодых писателей со словом. Из-за отсутствия образования, из-за резкого скачка из «класса батраков в класс творцов» возникала серьезная проблема незнания родного языка, отсутствия эрудиции и определенно-

го уровня культуры, несмотря на то, что новые писатели «страстно стремятся творить литературу на благо социализма». «Молодые писатели находятся в драматическом положении, — они хотят учиться, им необходимо знать приемы словесного творчества. Учить их — некому» [7, с. 56]. Поэтому, считал М. Горький, все развитие культурное, а в частности литературное, нужно поставить на службу рабоче-крестьянскому государству. «В Стране Советов цель коллективного труда — развитие культуры, развитие разума и воли к жизни, создание образцового государства работников культуры» [Там же, с. 67]. Казалось бы, как далеки друг от друга понятия коллективного труда и творчества, но в строящемся социалистическом государстве писатель ставит между ними знак равенства. «Дело наших литераторов — трудное, сложное дело. Оно не сводится только к критике старой действительности, к обличению разительности ее пороков. Их задача — изучать, оформлять, изображать и тем самым утверждать новую действительность» [7, с. 135]. Таким образом, считал Горький, литература, а значит и публицистика, пресса должны быть подчинены прежде всего интересам партии и новой социалистической идеологии. А уже из это «выльется художественность», без которой сложно себе представить настоящее литературное творчество. В письме Ю. Чибисову в 1927 г. М. Горький пишет: «На мой взгляд, армия рабкоров и селкоров — это будущая значительнейшая сила нашей страны, все это — кандидаты в интеллигенты» [4, с. 46].

Максим Горький поддерживал не только молодых литераторов, но и журналистику, особенно провинциальную. Известен эпизод, когда писатель попросил Р. Роллана поддер-

жать добрым словом редакторов нового журнала «Сибирские огни», который был очень важен для Горького как свидетельство успеха общего дела по «окультуриванию» самых отдаленных регионов.

Писатель всегда приветствовал массовый характер культурного роста в стране как заметный признак «выздоровления» населения: «Нашу культуру строят удивительно даровитые и дерзкие люди: бывшие батраки, батрачки, рабочие, работницы, ныне — уже мастера своего дела. Они — плоть от плоти и кость от кости своего класса, они — не отщепенцы, они органически связаны со своим классом. Работая в его интересах, они не видят своих отцов врагами своими и уже являются учителями отцов, ибо отцы видят, что дети, унаследовав революционную энергию, умеют заострять и усиливать ее наукой, философией, техникой и что в эту работу входят все новые тысячи работников культуры» [8, с. 169]. В своих многочисленных письмах М. Горький отмечал, что население стало настолько активно читать, что даже развился бумажный кризис, неведомый до сих пор. «Гораздо с большим правом, чем раньше, можно и следует говорить о текущей литературе Союза Советов как о работе коллективной. И никогда еще писатель не был так интересен, так близок массе читателей, как близок, интересен он в наши дни, у нас, в Союзе Советов, никогда он не ценился так высоко грамотной массой, и эта оценка — естественна, потому что масса видит, как она сама создает писателей и как отражается она в их книгах» [5, с. 59].

В 1931 г. Горький пишет в письме Г. И. Бакалову: «Наш молодой читатель очень жаден; эта жадность объясняется его страстным стремлением к познанию; он читает все, что ему

дают. И, тратя бумагу на книги, политическая и техническая педагогика которых крайне сомнительна, ему, по недостатку бумаги, не дают книг, написанных классиками русской и европейской литературы. Я уверен, что моя обязанность — возражать против такого рода деятельности наших издательств...» [4, с. 214].

1920–30-е гг. отмечены активной издательской деятельностью самого Максима Горького. Он много сделал для создания издательской базы в СССР, для печатания лучших произведений мировой классики и научно-популярной литературы. Но очевидно и то, что издательская работа М. Горького была по большей части пропагандистской и подчинена интересам партии и определенной идеологии.

Тамара Дубинская-Джалилова, опубликовавшая результат своего изучения переписки Горького и Сталина, к которой долгое время не было доступа, пишет следующее: «С принципами советской культурной политики Сталин познакомил Горького еще летом 1929 г., отправив ему свои «Ответ Билль-Белоцерковскому» и «Ответ писателям-коммунистам из РАППа» (опубликованы они были через много лет). Мы узнали об этом только теперь, как и то, что «взгляд партии на художественную литературу» привел в восторг писателя Максима Горького. Коротко перечислим главные принципы, изложенные Сталиным. Во-первых, руководить «сложнейшим фронтом советской художественной литературы» должны коммунисты. Во-вторых, не нужна «полемика», а нужен «единый и нераздельный литературный фронт». В-третьих, следует «оперировать в художественной литературе понятиями классового порядка или даже понятиями «советское», «антисоветское», «революционное», «антире-

волюционное». Именно эти принципы в культурной политике и проводил Горький. Однако под конец «дискуссии о языке» он, по мнению Сталина, выпустил из своего внимания основной для большевиков критерий в оценке художественного произведения. Тем не менее, этот инцидент не помешал им строить планы дальнейшей «организации армии писателей и реорганизации литиздательств». Приемы «оздоровления литературы» предложил Горький в «Записке И. В. Сталину». Они вождя заинтересовали, хотя «отдельные детали» вызвали у него «некоторые сомнения», обсудить которые он предложил писателю при «личной встрече». Но обсудить детали они не успели: вернувшись в Москву из Крыма, Горький сразу заболел, и вскоре его не стало. Одно из предложений Горького Сталин впоследствии воплотил — в издательствах было введено внутреннее рецензирование» [6].

Действительно, изложенные Сталиным взгляды на характер литературы соответствовали пропагандируемым идеям Горького, отразившимся в его письмах и публицистике 1830-х гг. И опять же, как и в своем отношении к крестьянству, изменившемся в соответствии с направлением курса партии, вопросы культуры и литературы М. Горький рассматривает со стороны идеологии нового государства и социалистического строительства. И если во время революции культура (в широком смысле слова) для писателя — это основа, на которой должно строиться и вырастать новое общество, то теперь партия сама направляла современную культуру, и Максим Горький был активным идеологом и проводником новой культуры. В этом в поздний период своей деятельности он искренне видел свою миссию как писатель и публицист.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горький М. О русском крестьянстве [Электронный ресурс] / Максим Горький. — Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/06/21/maksim_gorkij_o_russkom_krestjanstve.html.
2. Горький М. Письма Горького [Электронный ресурс] / Максим Горький. — Режим доступа: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/pisma/pisma.htm>.
3. Горький М. Статьи, очерки [Электронный ресурс] / Максим Горький. — Режим доступа: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/articles.htm>.
4. Горький М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / Максим Горький. — М. : Гослитиздат, 1955. — Т. 30 : Письма, телеграммы, надписи (1927–1936). — 835 с.
5. Горький М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / Максим Горький. — М. : Гослитиздат, 1953. — Т. 26 : Статьи, речи, приветствия (1931–1933). — 416 с.
6. Дубинская-Джалилова Т. Горький на службе у Сталина: по материалам рассекреченной переписки [Электронный ресурс] / Т. Дубинская-Джалилова. — Режим доступа: http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg32-332000/arts/oldies/art12.htm.
7. Горький М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / Максим Горький. — М. : Гослитиздат, 1953. — Т. 25 : Статьи, речи, приветствия (1929–1931). — 459 с.
8. Горький М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / Максим Горький. — М. : Гослитиздат, 1953. — Т. 24 : Статьи, речи, приветствия (1907–1928). — 533 с.

REFERENCES

1. Gorky Maxim. *O russkom krest'yanstve* [On the Russian Peasantry]. Available at: http://www.intelros.ru/2007/06/21/maksim_gorkij_o_russkom_krestjanstve.html. (In Russian).
2. Gorky Maxim. *Pis'ma Gor'kogo* [Gorky's Letters]. Available at: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/pisma/pisma.htm>. (In Russian).
3. Gorky Maxim. *Sta'i, ocherki* [Articles and Essays]. Available at: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/articles.htm>. (In Russian).
4. Gorky Maxim. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1955. Vol. 30. 835 p.
5. Gorky Maxim. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1953. Vol. 26. 416 p.
6. Dubinskaya-Dzhalilova T. *Gor'kii na sluzhbe u Stalina: po materialam rassekrechenoi perepiski* [Gorky in Stalin's Office: Based on Declassified Correspondence]. Available at: http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg32-332000/arts/oldies/art12.htm. (In Russian).
7. Gorky Maxim. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1953. Vol. 25. 459 p.
8. Gorky Maxim. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1953. Vol. 24. 533 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Манохин И. В. Поздняя публицистика М. Горького / И. В. Манохин, И. Г. Сацук // Вопросы теории и практики журналистики. — 2017. — Т. 6, № 1. — С. 59–67. — DOI : 10.17150/2308-6203.2017.6(1).59-67.

REFERENCE TO ARTICLE

Manokhin I. V., Satsyuk I. G. Late Journalism of M. Gorky. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2017, vol. 6, no. 1, pp. 59–67. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(1).59-67. (In Russian).